

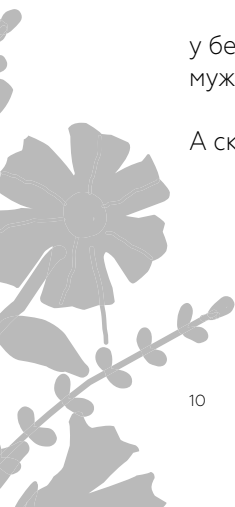
**Из сборника
«Волны и скалы»**

* * *

Бывало,
вырядимся
с шиком
в костюмы, в шляпы, и — айда!
Любой красотке
с гордым ликом
смотреть на нас приятно,
да!

Вина
весёленький бочонок —
как чудо,
сразу окружён!
Мы пьём за ласковых девчёнок,
а кто постарше,
те — за жён...

Ах, сколько их
в кустах
и в дюнах,
у белых мраморных колонн, —
мужчин,
взволнованных и юных!
А сколько женщин! —
Миллион!



Портовая ночь

Старпомы ждут своих матросов.
Морской жаргон

с борта на борт

летит,

пугая альбатросов...

И оглашён гудками порт!

Иду. (А как же? — Дисциплина!)

Оставив женщин и ночлег,

иду походкой гражданина

и ртом ловлю роскошный снег,

и выколачиваю звуки

из веток, тронутых ледком,

дышу на зябнущие руки,

дышу свободно и легко!

Пивные — наглухо закрыты.

Темны двory и этажи.

Как бы заброшенный,

забытый,

безлюден город...

Ни души!

Лишь бледнолицая девица

без выраженья на лице,

как замерзающая птица,

сидит зачем-то на крыльце...

— Матрос! — кричит, — Чего не спится?

Куда торопишься? Постой!

— Пардон! — кричу, — Иду трудиться!

Болтать мне некогда с тобой...



Имениннику

Валентину Горшкову

Твоя любимая
 уснула.
И ты, закрыв глаза и рот,
уснешь
 и свалишься со стула.
Быть может, свалишься
 в проход.
И всё ж
 не будет слова злого,
ни речи резкой и чужой.
Тебя поднимут,
 как святого,
кристально-чистого
 душой.
Уложат,
 где не дует ветер,
и тихо твой покинут дом.
Ты захрапишь...
И всё на свете —
пойдет
 обычным чередом!

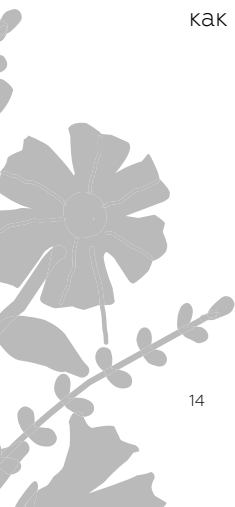


Долина детства

Мрачный мастер
страшного тарана,
до чего ж он всё же нерадив!
...После дива сельского барана
я открыл немало разных див.

Нахлобучив мичманку на брови,
шёл в театр, в контору, на причал...
Стал теперь мудрее и суровой,
и себя отравой накачал...

Но моя родимая земляца
надо мной удерживает власть.
Память возвращается, как птица —
в то гнездо, в котором родилась.
И вокруг долины той любимой,
полной света вечных звёзд Руси,
жизнь моя вращается незримо,
как Земля вокруг своей оси!



* * *

Я забыл,
 как лошадь запрягают.
И хочу её позапрягать,
хоть они неопытных
 лягают
и до смерти могут залягать!

Мне не страшно.
 Мне уже досталось
от коней — и рыжих, и гнедых.
Знать не знали,
 что такое — жалость.
Били в зубы прямо
 и в поддых!..

Эх, запряг бы я сейчас кобылку,
и возил бы сено, сколько мог!
А потом
 втыкал бы важно
 вилку
поросёнку жареному
 в бок...

